

ПЛЕНИТЕЛЬНЫЕ мелодии и бодрые танцевальные ритмы, веселые неожиданности и наивные чудачества, праздник для слуха и глаза... Все это — оперетта, один из наиболее демократических жанров, горячо любимый зрителем и неизменно собирающий полные театральные залы. И в то же время будем откровенны, любители оперетты чуть-чуть стесняются этого своего пристрастия. Ведь при случае они могут услышать: «Вы любите оперетту? Да ведь это банальная музыка и дешевые остроты, наигранные чувства, потакание дурным вкусам...».

Так что же такое оперетта? Почему столь любимый зрителем жанр одновременно столь уязвим? Ведь и наш театр «Эстония», на сцене которого ежемесячно играется около десяти оперетт, называется только театром оперы и балета... Что скажете об этом вы, человек, посвятивший оперетте свою творческую биографию?

— Это не совсем точно, не всю биографию. Из двадцати пяти лет, что я в театре, первые десять отданы балету, ибо смолоду я окончил хореографическое училище. Потом учился заочно на режиссерском факультете Ленинградского театрального института. Так что балет — мое прошлое, до оперы боюсь «не дотянуться», вот и остановился посередине — около десяти лет ставлю оперетту. Но это в шутку. А если всерьез, оперетта — действительно прекрасный и очень популярный жанр, обладающий способностью дать аудитории не только приятный отдых, но и доставить эстетическое наслаждение.

Что же касается пессимистического взгляда на оперетту, то он несколько сродни старому спору о серьезной и легкой музыке, о том, какую из них предпочесть. Конечно, мир оперетты прост, не обременен сложными философскими проблемами. Она воздействует не глубоко, комически, а яркостью, броскостью, остротой своих положений, рассчитанных на мгновенную эмоциональную реакцию зрителя.

Стоит ли стесняться любви к оперетте? Конечно, нет. Ведь не стесняемся же мы любить цирк. А оперетта оттуда родом — из балагана, цирка, из кафе, из комической оперы. История оперетты начинается задолго до появления ее самой, ведь она восходит к «синтетическим актерам», которыми были еще средневековые скоморохи и жонглеры, мимы и шпильманы... И эту «родительскую печаль» оперетта несет на себе. И бережет ее, и дорожит ею. Конечно, исцелять душевные недуги мы не в силах, но питаем зрителя добром, улыбкой, хорошим настроением. А разве это плохо? И разве этого мало?

Безусловно, — и это уже банальная истина — среди оперетт (как и среди опер, балетов, драм и т. д.) встречаются как хорошие, так и плохие. И тут есть над чем задуматься каждому участнику опереточного спектакля — от автора и режиссера до статиста.

Что же касается названия нашего театра, то оно не выходит за рамки общепринятой традиции. Впрочем, мы, артисты оперетты, не в обиде. Сосуществование под одной крышей с оперной и балетной труппами нам

только на пользу. Ведь оперетте очень нужны и хорошие девцы и хорошие танцоры...

— Порою можно услышать, что оперетта в ее классическом виде устарела, отжила свой век, что ей пришла пора уступить свое место музыкальной драме, произведениям типа мюзиклов. Но что такое мюзикл, как не возникшая в определенных условиях национальная (американская) разновидность опереточного жанра? Ведь даже сам термин мюзикл очень отчетливо намекает на свое происхождение от музыкальной комедии?

— Те, кто утверждает, что оперетта состарилась и отжила свой век, заблуждаются хотя бы потому, что быть старым и устареть — отнюдь не одно и то же. Античная литература еще старше, но ведь ее престиж неоспорим! Да и опера — печальная история, которую

зами. Да и финал тут далеко не всегда жизнерадостный.

Добротный драматургический материал — вот что заставило говорить о мюзикле, выдвинуло его вперед. Не мудрено — либретто трех известнейших американских мюзиклов, обошедших все страны мира — «Вестсайдская история» Л. Бернштейна, «Моя прекрасная леди» Ф. Лоу и «Целуй меня, Кэт» К. Портера, — написаны по мотивам пьес В. Шекспира и Б. Шоу...

Но шло время. В театрах ставились все новые и новые — ведь это модно! — мюзиклы. Но в этом неумолимом потоке, как часто в искусстве, золотые крупинки так бурно перемежались посредственными, а то и вовсе слабыми спектаклями, что зритель опомнился и затосковал по доброй, старой оперетте...

В свое время в оперетте довольно много работал Георг Отс, и я счастлив, что мне довелось с ним сотрудничать. А сотрудничество это было самым многогранным: я был актером в спектакле, который он поставил, потом я был у него ассистентом, мы оба были заняты в спектакле, поставленном другим режиссером, и, наконец, он играл в моем спектакле «Человек из Ламанчи».

Сейчас в нашей основной труппе 13 человек, и это — маленький здоровый коллектив, способный плодотворно трудиться. С нами вместе — ветеран эстонской оперетты, народный артист ЭССР Эндель Пярн, чье искусство хорошо известно нашему зрителю и любимо им. Хельги Салло я уже называл. К сожалению, текущий репертуар пока не позволил до конца раскрыть дарованию этой актрисы.

анализу спектакля, вопреки своей нелюбви к оперетте... Немудрено, что иной раз по поводу оперетты можно прочесть такое, что остается удивляться не тому, что это написано, а тому, что это напечатано. А ведь за рецензентом, если только он не участник дискуссии, остается последнее слово...

Что касается моих лично работ, то они вызывали самую различную реакцию критики. Очень разные, противоположные даже, мнения высказывались о мюзикле «Пеппи — Длинный чулок». Одна рецензия уверяла, что Хельги Салло — единственно неповторимая исполнительница заглавной роли, другая — что она совсем для нее не подходит... И если бы я, восприняв все советы, перенес их в постановку, на сцене царил бы полный хаос.

Не подумайте только, что я против критики вообще. Я уже сказал, что умные, профессиональные рецензии — повторяю, объективно-аналитические — очень нужны театру. И, честно признаваясь, хоть маленькая похвала тоже бы не помешала. Вроде такой, какую мне хотелось бы высказать в адрес критики: «Между прочим, иногда и у вас, уважаемые товарищи рецензенты, встречаются очень толковые мысли...».

— Пожалуйста, несколько слов об эстонской оперетте...

— Я могу сразу назвать четырех композиторов, чьи произведения предназначены для нас, артистов оперетты: Борис Кырвер, Арне Ойт, Юло Раудмяэ, Юло Винтер. К сожалению, трудности поджидают нас сразу, как только заходит речь о либретто. Хорошие эстонские драматурги побаиваются оперетты, к тому же за письменным столом не всегда ясно, как написанное прозвучит со сцены. Поэтому нам приходится порой и самим садиться за письменный стол. А дважды нам даже удалось побеждать во всесоюзном конкурсе (я имею в виду «Легенду в музыке» Р. Валгре и Ю. Раудмяэ и «Письмо до востребования» Ю. Раудмяэ).

Хочется через газету призвать либреттистов чаще вспоминать про оперетту. И не стоит заблуждаться, будто ей противопоставлен вечный герой, честный, с открытой душой. Разве «Человек из Ламанчи» не доказательство тому?

Подводя итоги сказанному, добавлю, что в театре я люблю все и всех, горжусь его успехами, страдаю от недостатков. Но ведь не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Истина эта справедлива для любой области труда. И для театра. И для оперетты, в частности.

Интервью подготовила
Т. ОПЕКИНА.

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Наш собеседник сегодня — режиссер Государственного академического театра оперы и балета «Эстония», заслуженный деятель искусств Эстонской ССР Суур НЫММИК.

Радости и огорчения оперетты

поют, — тоже, как говорится, в годах...

К тому же «ниспровергатели» оперетты частенько запутываются в терминах «новый» и «модный». Они объявляют какое-либо явление новым на том лишь основании, что оно модно (черные кулисы, например), в то время как на самом деле это просто хорошо забытое старое.

Если же сравнивать оперетту с мюзиклом, то тут прослеживается довольно любопытная история.

Классическая оперетта, как известно, имеет традиционную форму и содержание. Мы точно знаем, чем закончится второй акт (герой разойдется, и это будет стоить обоим страданий). Мы не менее точно знаем, что в третьем акте они снова найдут друг друга и действие завершится счастливым финалом. Более того, нам заранее известны и характеры героев. Одним словом, тут нет никаких неожиданностей — ни для нас, ни для публики. Так что удача оперетты зависит главным образом от музыки и от исполнителей.

Все эти каноны и традиции мюзикл решительно разорвал. Особое ударение здесь делается на сюжет, становление и развитие характеров героев. Любовь в мюзикле помолодела, часто это первая любовь, наиболее сильная и запоминающаяся.

В мюзикле мы встречаемся с остро драматическим сюжетом, реальными пропорциями между смехом и сле-

короче, музыкальная комедия, эксцентрический балаган, оперетта... Как ни назови, а факт налицо: все жанры хороши, кроме скучного.

— Пожалуй, ни в одном из театральных жанров не осуществляется так полно и на столь равных началах синтез различных видов искусства: музыки, пения, драмы и хореографии. А значит, — оперетте требуется особый актер, разносторонне одаренный и самоотверженный одновременно. Вспомните, хотя бы, знаменитых «комических стариков»... Насколько мне известно, артистов оперетты у нас никто не готовит. Откуда же они берутся? Кто идет в оперетту?

— Действительно, в идеальном варианте артисту оперетты недурно быть в дружбе со всей «святой троицей» — словом, движением и пением. Актеров, которые в равной степени владеют всеми тремя, у нас немного, но они есть — Хельги Салло, Арво Лайд, Сирье Пуура и другие.

Думаю, что для актера оперетты обязательно быть профессионалом в одной из областей, остальные же мы стараемся присвокупить в процессе работы. К тому же, соседство с оперной труппой позволяет нам играть классику, требующую высокого вокального мастерства.

Одним словом, в оперетту идет тот, кто ее любит, кто предан ей.

В нашем жанре надо так же серьезно и честно работать, как и в любом другом. Может, даже еще более серьезно. И еще надо иметь чувство меры. И не забывать о поэзии. Помните, как у Марта Рауда: «Куда ты идешь, сын? За стихами, мама. А топор зачем? Просто так...».

— Художнику, работающему в области оперетты, наверное, очень нужны аналитические статьи, обзоры, ведь они, даже будучи дискуссионными, помогают четче определить свои позиции, а зрителю — основательнее судить о том, что он видит на сцене. Чем радуют вас критики, чем огорчают?

— О-о, критике действительно подвластно многое. Но она (я сейчас говорю не о себе лично) частенько бывает излишне категорична: либо сшибает с ног, либо возносит до небес. Да, да, объективно — аналитические статьи с размышлениями, ассоциациями, предложениями и советами, взыскательные и доброжелательные одновременно, встречаются не столь уж часто. Я помню даже одну рецензию, автор которой в предисловии, ничуть не стесняясь, заявил, что приступает к